

Доктор Крейг Кинер, Деяния, лекция 2, Жанр и историография

© 2024 Крейг Кинер и Тед Хильдебрандт

Это доктор Крейг Кинер в своем учении по книге Деяний. Это занятие 2 «Жанр и историография».

Ученые предложили ряд жанров или литературных типов для книги Деяний.

Мы рассмотрели биографию, и в этом предложении есть ряд полезных элементов. Другое предложение, гораздо более спорное, заключалось в том, что «Деяния» — это роман, в основном предложенный Ричардом Перво. На самом деле сегодня Перво сказал бы «нет», он никогда на самом деле не говорил, что «Деяния» — это роман.

Он просто проводил сравнения с романами и признавал «Деяния» произведением популярного уровня, а не элитным историческим произведением. Таким образом, он рассматривал это скорее как своего рода романную историографию. Но в любом случае, глядя на предложение романа, потому что многие люди приняли его первоначальный аргумент и сказали: ну, может быть, «Деяния» — это роман, или нам следует читать его как роман.

Один из его аргументов заключается в том, что Люк изображает своих оппонентов в карикатурном виде и выставляет их в очень плохом свете. Ну, некоторые люди действительно поступают совсем плохо, но в любом случае, даже если их характеризует Лука, это не будет романом, потому что это свойственно всякой полемике. Я имею в виду, Тацит, если кто-то в древности и был историком, то это был Тацит.

Но вы видите, как Тацит обращается с Нероном и Домицианом. Все плохое, что ходили слухи о Нероне или Домициане, попадает в произведения Тацита. Люди пишут с определенных точек зрения.

Перво ссылается на буйную толпу. Он говорит, что они появляются в романах, но они также встречаются повсюду в древней историографии. В древности было много буйных толп, и в исторических произведениях они встречаются не меньше, чем в романах.

Иногда он обращается к более поздним христианским деяниям: Деяниям Павла и Феклы, Деяниям Петра, Деяниям Иоанна, которые мне больше всего нравятся, и ряду других. Но это производное от деяний Луки. Практически все согласны с тем, что действия Люка произошли раньше, поэтому мы не можем приписать к этому более поздние действия.

Фактически, более поздние из них относятся к периоду расцвета романов, концу второго и началу третьего веков. Евангелие от Луки этого не делает, и сам Ричард Перво датирует его не так уж поздно. Более того, старинные романы обычно были романсами.

Вы можете сказать: ну, Деяний Иоанна не было, некоторых других. Часто некоторые из этих более поздних действий были христианскими, потому что в поздней античности в некоторых кругах больше ценилось безбрачие, чем романтика. Глядя на эти более поздние действия, такие как Деяния Павла и Феклы, главная героиня там оставляет своего мужа и сохраняет целомудрие. Она повсюду следует за Полом, но не становится его невестой или кем-то в этом роде.

Но старинные романы обычно были любовными. Крайне редко романы были об исторических персонажах.

Их несколько. Киропедия Ксенофонта относится к более раннему периоду, а к более позднему периоду у нас есть работа человека, которого мы называем Псевдо-Каллисфеном. На самом деле это был не Каллисфен, писавший роман об Александре. Это было написано о ком-то, кто жил 500 лет назад. Это не зависит от исторических сведений, по крайней мере, 500 лет назад. Но лишь изредка они касались исторических персонажей и никогда, насколько я когда-либо видел, не были посвящены каким-либо недавним персонажам.

Когда вы пишете о недавних персонажах, я имею в виду, что люди не писали романы о недавних персонажах, из прошлого или двух поколений. Итак, у вас не будет романа об Иисусе первого века. У вас не будет романа о Павле из первого века или даже, если вы хотите датировать его так поздно, начала второго века.

В отличие от истории и биографии, где история считалась лучше всего написанной очевидцами или современниками, не вся она была написана таким образом, но историю можно было написать о недавних персонажах. Романов не было. Романы не будут включать в себя то обширное соответствие с историей, которое мы находим в Книге Деяний.

А если серьезно, это разные жанры. Художественная литература в повествованиях ограничивалась сказками и романами. Это подверглось критике со стороны историков.

Историкам не разрешили этого сделать. Итак, Лупиан и Полибий, когда он критиковал Тимея, критиковал тех, у кого было много ошибок, хотя многие ученые сегодня скажут: ну, Тимей на самом деле был не таким плохим

историком, если читать между строк, как Полибий. обвинил его в том, что он есть. Полибий, возможно, пытался избавиться от части этой конкуренции.

Но в любом случае это подвергалось критике в исторических трудах. Более того, в романах нет исторического пролога, исторического предисловия, как в Луки 1:1-4, или использования источников, как здесь. Я знаю один роман, «Метаморфозы» Апулея, который, кажется, повторяет более раннюю сюжетную линию, обнаруженную в «Луции» Лупиана.

Но это единственный известный мне пример использования источников, и он был очень свободно переписан. Совершенно очевидно, что это был роман. Совершенно очевидно, что это не было историческое произведение, в отличие от того, что мы имеем в Деяниях Луки.

Кроме того, что касается использования Лукой ряда источников, он, кажется, очень осторожен в том, как он объединяет свои источники. Это не курс Евангелия от Луки, но вы можете увидеть это, используя краткий обзор Евангелий. Если бы вы сделали краткий обзор других древних биографий, вы бы увидели, что синоптические Евангелия на самом деле довольно близки друг к другу по древним стандартам, что позволяет предположить, что они действительно намеревались использовать историческую информацию.

Что касается исторических предисловий, то в романах их не было. Иногда некоторые ученые приводят одно исключение, и этим исключением является роман Лонга, Дафниса и Клоэ. Но если вы прочтете предисловие к этому роману, то это вовсе не историческое предисловие.

Там написано, что именно так я придумал эту историю. Итак, очень разные жанры. Ричард Перво также отметил, что у вас много приключений, как в романах.

Ну, у вас есть приключения и в истории. Я имею в виду, прочитайте автобиографию Иосифа Флавия. Конечно, он полон приключений.

Прочтите войну Иосифа Флавия или рассказ Фукидида о Пелопоннесской войне. Очевидно, там есть приключения, потому что там написано о войне. Признаюсь, когда я впервые попробовал прочитать «Пелопоннесскую войну» Фукидида, мне было, кажется, 14 лет, и я не нашел ее такой интересной, как сейчас.

Но я нашел еще несколько работ. Когда мне было 12 лет, Тацит показался мне весьма интересным. Так что истории тоже могут включать в себя интересные приключения.

Максим Тирский говорит, что истории доставляют удовольствие, и их можно даже читать на банкетах вместо других форм развлечения, по крайней мере, если на них присутствуют интеллектуалы. Особенно это касается популярной историографии. И здесь, я думаю, у Ричарда Перво есть ценная идея, потому что она написана в более авантюрной манере с менее утомительными деталями, чем то, что есть в элитных историографиях.

Исторические монографии даже имели сюжеты, чтобы иметь общую тему, общую историю, которую они рассказывали. Аристотель говорил о значении сюжета для любого повествования. Этот интерес к приключениям был характерной чертой всех древних литературных повествований, хотя в некоторых его жанрах он встречается чаще, чем в других.

Но сколько их должно было быть в Деяниях? Сколько должно было быть повествований о приключениях Павла? Что ж, если вы прочитаете 2 Коринфянам 11, во всяком случае, Лука смягчил приключения Павла, потому что у Павла было гораздо больше, чем Луке нужно место, чтобы рассказать. Он просто дает образцы. Одно из ключевых приключений в книге Деяний: Павла сбрасывают со стены, чтобы сбежать.

Павел упоминает об этом во 2 Коринфянам 11. Павел упоминает кораблекрушения, которые нигде не упоминаются в Деяниях. В Деяниях рассказывается об одном кораблекрушении, произошедшем позже, чем было написано Второе Послание к Коринфянам.

Но Пол говорит о том, что неоднократно терпел кораблекрушение. Он рассказывает о том, как его неоднократно избивали в синагогах. Он говорит о том, что его несколько раз избивали розгами, хотя в Деяниях рассказывается только об одном из них.

Итак, Деяния не акцентируют внимание на приключениях Павла. На самом деле, во всяком случае, они пересказывают меньше из них, хотя некоторые из них пересказываются более подробно, чем у Павла были бы основания это сделать. Ричард Перво говорит о том, что в эллинистических романах есть такой герой, как вы.

Ну, а ведь у вас есть и герой в положительных биографиях. Биографии могут быть положительными или отрицательными. Обычно они были смешанными.

Они имели положительные и отрицательные черты. Но если бы вы писали о ком-то, кого вы действительно уважали, как Тацит пишет о своем тесте Агриколе, тогда это было бы очень позитивно. Но у тебя часто был герой.

Во многих биографиях у вас наверняка был главный герой. В том, что отметил Ричард Перво, есть полезный элемент: Люк использует интересные приемы рассказывания историй. Но подобные повествовательные приемы можно использовать и в историографии, особенно на популярном уровне.

Моя жена была беженкой от войны 18 месяцев, и мы написали книгу. Он еще не вышел, но на момент съемок он может выйти к тому времени, когда вы это посмотрите. Но мы написали об этом книгу.

В книге много приключений, много действия и немного романтики. Это моя жена. Но ничто из этого не является вымыслом.

Было несколько моментов, где ради экономии места я всего пару раз смешал события, произошедшие в разных точках в хронологическом порядке. Я объединил их в одну сцену. Это было всего несколько пунктов.

Но эти вещи были взяты непосредственно из ее журнала и из моего журнала. Это были реальные события. Но, как вы им говорите, я упустил много вещей, которые были в журнале, чтобы сосредоточиться на вещах, которые будут больше всего интересны читателям.

Мои дневники за этот период могут занять два ящика картотеки. И эта книга должна была быть маленькой, чтобы ее можно было продать дешево. Это то, о чем просил издатель.

Так что там содержится лишь очень небольшое количество информации, но я мог бы выбрать информацию, исходя из наших интересов. Ну, это еще не делает это романом. Это все же биографично.

Это по-прежнему исторически верно. Но интересы формируют то, как это написано. И это было верно в древности не меньше, чем верно и сегодня.

На самом деле я мог бы написать это в гораздо менее популярном историографическом стиле. У нас были все даты и все из журналов, но все в порядке. Другие полагают, что Книга Деяний — это эпос.

Марианна Бонц предположила, что это прозаическая эпопея. Проблема сравнения Деяний с прозаическим эпосом состоит в том, что такого жанра не существовало. Эпосы писались стихами, а не прозой.

И вам не нужно много читать Деяния Луки на греческом языке, чтобы понять, что, как и на английском языке, Деяния не написаны в поэтической форме. Это проза. Кроме того, эпосы обычно касались далекого прошлого.

Что ж, Деяния имеют дело с недавним прошлым, с недавними поколениями. Далекое прошлое было бы столетия назад. Часто это были легенды, а иногда и чистый миф, эпос в Римской империи.

Есть, как и позже в первом веке, хотя это не главная привлекательность работ Бонца. Она обращается прежде всего к «Энеиде» Вергилия. Но у вас есть и более недавние войны, даже гражданские.

У вас есть Лукан, например, или другие, облакающие войну в поэтическую форму, а затем превращающие ее в эпос, и преувеличенные черты с гигантской богиней войны, стоящей над армией, и так далее. Но в Деяниях нет ничего подобного. Деяния, опять же, не написаны в поэтической форме.

Однако в аргументации Бонца, возможно, есть полезный элемент: «Деяния» — это основополагающая история. Возможно, речь идет не о далеком прошлом, а о наследии, которое оставили эти первые апостольские лидеры. Итак, это не значит, что мы не можем чему-то научиться из этого, но прозаического эпоса не существовало.

Мы говорили о тезисе, что это биография. Возможно, ближайшей параллелью мог бы стать Диоген Лаэртский, который, написав позднее, собрал биографии ряда людей. У вас также есть «Жизнеописания софистов» Филострата, в которых собраны воедино биографии множества людей.

У вас также есть параллельные жизни, где у вас есть несколько томов, где один том посвящен одной фигуре, другой том — другой фигуре, и, чтобы сузить информацию, о которой вы собирались говорить, вы сравнивали их друг с другом. Итак, у вас есть Иисус, Петр и Павел. Но что тогда делать с Деяниями 6–8, в которых основное внимание уделяется Стефану и Филиппу, или даже с 9–12, где речь идет о Петре и Павле? Итак, я утверждал, что это действительно биографический подход к истории.

История имела дело с практикой или действиями людей. Вот откуда мы получаем слово «действия» из названия «практика». Кое-что из этого есть в биографии, но есть это и в истории.

Исключением может быть Псевдо-Калисфен, написанный как минимум через 500 лет после Александра Великого. Таким образом, большинство современных учёных считает, что деяния — это своего рода историография. Его держали Дебелиус, Кэдбери, Экхарт Плюмейкер, Люк Тимоти Джонсон из Эмори и Мартин Хенгель.

История может ошибаться в некоторых деталях, но тем не менее она передает исторические события, в отличие от романа, где человек просто все выдумал.

Вот причины, по которым ученые — и это ученые с самых разных точек зрения. Это не те учёные, которые говорят... ну, некоторые из учёных сказали бы, знаете ли, что Лука был превосходным историком.

Кто-то скажет: ну, он так себе историк. Но сегодня большинство ученых понимают, что Лука пишет историографию. Причины этого.

Во-первых, Лука включает в себя стандартные речи, которые очень часто встречаются в древней историографии. Это было характерно для античной историографии. Когда Иосиф Флавий переписывает части Ветхого Завета в своих «Древностях», он даже добавляет речи, чтобы улучшить историографию.

Иногда он произносит греко-римские речи. Он очень интересуется риторической историографией, Иосиф Флавий. Но об этом мы поговорим подробнее в другой момент.

Но у вас есть эти готовые речи. Кто-то возразил, ну, вы знаете, задавайте речи, у вас тоже есть речи в романах. Да, у вас есть дискурс, и у вас есть люди, говорящие в романах, но это не то же самое, что иметь эти готовые речи, которые у вас есть, столь доминирующие в историографии.

Хотя в Деяниях они короче, поскольку Деяния короче, это один том. Историческое предисловие. Большинство ученых рассматривают предисловие Луки 1:1-4 как историческое предисловие.

Лавдей Александер долго рассуждал: ну, это больше похоже на предисловие к научным трактатам. Но когда ее критиковали люди, говоря: «Ну, это не научный трактат», она ответила: «Я никогда не говорил, что это научный трактат». Я согласен, что это работа по древней историографии, но более научного характера, которую, возможно, написал бы врач или кто-то в этом роде.

У нас есть массивные переписки с известными данными. Романистов это не волновало. Романисты не возвращались к прошлому и не исследовали вещи, даже когда писали об исторических персонажах.

Иногда Лука включает синхронизацию, что было более характерно для элитной историографии. Люк не мог иметь такой большой синхронизации с внешней историей, потому что по большей части в отчетах, которые он получал, ему не говорилось, что это произошло в этом году, это произошло в том году. Но у него это иногда бывает.

Луки 2:1.2 и Луки 3:1.2 называют правителей того времени, когда происходили эти события. В Деяниях 18:12 упоминается Галио. Даже в Деяниях 11:28 говорится о периоде голода при Клавдии.

Кроме того, внимание уделяется событиям, и вы видите это в предисловии, где говорится теперь о том, что исполнилось среди нас. Что ж, сосредоточьтесь на событиях, это было основное внимание в историографии. И, знаете, альтернатива этому, исторические романы, встречается довольно редко.

Эдвард Мейер, возможно, самый известный историк греко-римской античности XX века, пришел к выводу, что Лука был великим историком и что Деяния, несмотря на более ограниченное содержание, носят тот же характер, что и книги величайших историков Опулебия, Оливи, и многие другие. Лично я бы не отнес Люка к одной категории с Боливиусом или Либби. Я не думаю, что он хотел бы писать так долго, как писали они.

Но дело все же в том, что Лука писал историографию. Ну какая историография? Существовали разные виды источников, которые мы могли бы объединить в историю. Генеалогия, мифография, горография, которая представляла собой местную историю или летопись местного места, хронография, которая пыталась просто систематизировать события мировой истории.

Но обычно мы говорим о собственно истории. Собственно история имела дело с историческими событиями и носила повествовательную форму, в отличие от летописей. И когда я говорю об исторических событиях, я подобна мифографии, которая могла бы быть переработанными мифами.

Иногда для этого они использовали источники, но они говорят о людях много-много веков назад, если вообще о людях. Что касается темы, некоторые люди говорили: ладно, ну, это настоящая история, но какая история? Это институциональная история, описывающая институт ранней церкви? Это политическая история, рассматривающая церковь как своего рода политическое образование? Это философская, биографическая история, посвященная учителям, мудрецам? У нас есть кое-что из этого. Это этнография, история народа? Такое иногда случалось и в древности.

Мы можем извлечь пользу из каждого из этих типов, но большинство людей, писавших исторические монографии, не пытались отнести их только к одной категории. Это своего рода искусственные категории, которые мы придумываем, и поэтому ни одна из них на самом деле не прижилась и не получила консенсуса среди ученых. Что касается этнографической истории, когда люди писали этнографическую историю, историю народа, часто это была группа меньшинства, которая чувствовала себя маргинализованной из-за того, что историю обычно писали греки, которые были пионерами основной формы историографии, используемой в Римская империя.

Греки смотрели на другие народы через греческую призму. Они были этноцентричны, как это обычно бывает с народами, и поэтому их интересовали вещи с греческой точки зрения. Многие из них смотрели свысока на некоторые другие цивилизации.

Геродот был немного справедливее, но многие из них смотрели свысока на негреческие и неримские цивилизации. И так, у вас есть Вавилонская Ача, которая была написана. Баросс хотел показать, что вавилоняне имели благородную историю.

Манета хотел показать в своей «Эгиптиаке» (вероятно, тогда она произносилась как «Эгиптиака»), что у египтян была благородная история, что на самом деле и было. И Иосиф Флавий в некоторой степени делает это со своими еврейскими древностями, чтобы показать, что у еврейского народа была благородная история, история, которая началась намного раньше, чем греческая цивилизация. Грекам, возможно, это не нравилось, но в любом случае он писал апологетическое извинение.

И это подводит нас к другому взгляду на Деяния, а именно по мотивам. У вас могут быть разные темы, но какой мотив? Каковы движущие силы написания историографии? Что ж, один из возможных мотивов для Деяний Луки — это также тот, который мы находим в этих этнографических историографиях, этих этнографических историях, которые были написаны об определенном народе, группе меньшинства внутри империи или за ее пределами. А Грегори Стерлинг, который в настоящее время является деканом Йельской богословской школы и в то время работал в Университете Нотр-Дам, Грегори Стерлинг очень, я думаю, очень сильно и очень убедительно утверждал, основываясь на древней еврейской историографии, что большая часть это было написано с извиняющимся акцентом.

И я думаю, что параллели с Деяниями очень информативны. Таким образом, еврейский народ не несет ответственности за эти антиеврейские беспорядки, которые имели место и так далее. Кроме того, вы можете классифицировать историю с другой точки зрения.

Я имею в виду, что это не взаимоисключающие вещи. Вы можете классифицировать по теме, по мотиву или по форме. Ну, по форме это монография.

Это не многотомная история. Экхарт Плумахер и другие утверждали, что это историческая монография, подобная историческим монографиям Псалиста. Но, как отмечает Ричард Перво, это на популярном уровне.

Это не элитный уровень. Что ж, иногда в отношении Евангелий был период, когда люди говорили о Евангелиях как о *kleinliteratur*, а не как о народной литературе, под которой они подразумевали, что Евангелия являются народной литературой. Это литература для простых людей, а не *кляйнлитература*, в отличие от литературы высокого уровня, элиты.

Ну, конечно, «Лука-Деяния» не элитная, но и не просто народная литература. Это не что-то вроде жизни Эзопа. Итак, вам нужно сосредоточиться на интригующем повествовании, но, тем не менее, это уже история.

Сегодня это зависит от того, где вы находитесь в мире и какие вещи вам понравятся, но я ценю и читаю только некоторые вещи, такие как «Тайник», «Крест и выкидной нож», история Джеки Пуллинджера в Гонконге. Конг, наша книга «Невозможная любовь» и другие подобные вещи, я не пытаюсь поместить нас обязательно в одну и ту же категорию, но что у вас могут быть произведения, которые в целом правдивы, но рассказаны на популярном уровне. И я думаю, что то же самое мы имеем с Книгой Деяний. Апологетическая этнографическая история, в данном случае в форме монографии.

Греки склонны изображать других в карикатурном виде, поэтому другие часто в ответ создавали произведения, которые показывали: нет, у нас благородная история. И Иосиф Флавий делает это. Некоторые люди говорят, что Иосиф Флавий пытается показать, что иудаизм — это *religio licita*, законная религия.

Официально это не было законной религией, но в этом и не было необходимости. Это древность и приоритет терпимости, которые Иосиф Флавий подчеркивает и любит подчеркивать, в отличие, возможно, от некоторых других вещей, которые он не упоминает. Мы знаем, что иногда это случается, потому что был указ Клавдия, и он сказал грекам в Александрии прекратить преследование еврейской общины, он также сказал еврейской общине прекратить агитацию, а Иосиф Флавий сообщает только ту часть, где он упрекал греков.

Это понятно. Он пишет с определенной точки зрения и с определенной целью. Но в любом случае он апеллирует к приоритету терпимости, как и Деяния.

Он показывает, что церковь имеет древнюю историю и древнее наследие. Возвращаясь к первому тому, вы можете увидеть, что Иисус вписан в историю Израиля. Есть все эти намеки, я имею в виду, что Захария и Елизавета ссылаются на Авраама и Сарру и на многие другие вещи.

Итак, его история встраивает историю церкви в древнюю историю Израиля. Он также полон приоритета, благоприятного приоритета, который, как вы знаете,

не следует преследовать, о ее миссии нельзя замалчивать, потому что это не противоречит римскому праву. Пилат, Иисус был действительно невиновен.

Сергий Павел, Галилей, Фест. Феликс просто держал Пола в тюрьме, потому что тот хотел взятку и так далее. Итак, Деяния делают что-то вроде того, что Иосиф Флавий делал с апологетической этнографической историей.

Не только этнография, кроме апологетической. На самом деле он не пишет историю церкви. Он пишет историю миссии церкви.

Он даже не пишет «Деяния апостолов», потому что с большинством апостолов он особо не разбирается. У вас есть Петр, Иоанн и Павел, а затем Иаков, брат Господа, который не был одним из двенадцати. У вас есть риторическая изощренность в какой-то древней историографии, которая была востребована элитами, особенно в период расцвета второй софистики и после нее.

Во втором столетии и позже появились люди, которые смотрели на Новый Завет свысока, потому что он был недостаточно риторически изощрен. И, конечно же, они еще больше смотрели на Ветхий Завет свысока, потому что он не был сложным по греческим риторическим стандартам, потому что он был написан не для них. Эти историки позволили внести коррективы в детали, чтобы сделать повествование связным.

Они также подчеркнули яркость. И одним из способов, которым историки часто подчеркивали яркость, было упражнение под названием экфрасис, когда они описывали что-то подробно. Это восходит к... ритору оглядываются назад, особенно на Гомера.

Гомер был своего рода риторическим канонем греков, точно так же, как Ветхий Завет был канонем еврейского народа и христианского движения. Итак, они вернулись к длинному описанию щита Аякса, просто давая вам все возможные подробности. Итак, это было обычным явлением среди историков, ориентированных на риторику.

Люку этого не хватает. Когда Павел и Сила покидали Филиппы, он мог бы описать боль в их ранах. Он мог бы описать столепестковые цветы, которыми славились холмы вокруг Филипп.

Он мог бы описать золотые прииски возле Филипп. Он мог бы описать реку Струмон. Он мог бы описать древнюю статую льва, стоявшую снаружи на дороге, мимо которой они, несомненно, проезжали.

Лука не описывает ничего из этого. Это не его интерес. Люк пишет на более популярном уровне.

Он довольно популярен, но литературный уровень выше, чем у Марка. Грамотный, но не такой искусственный, как Пол. Не элита, но ближе к элите, чем он был к папирусам.

Теперь у Луки тоже есть речи. Риторика имела важное значение в истории, особенно для элиты, и в меньшей степени для Люка. Вы видите повествовательную связность действий Луки.

Это целая история. Это подходит друг другу. Голдер, Талберт и Таннехилл подчеркивают это.

Голдер в 1960-е годы несколько переусердствовал с параллелями, но Талберт и Таннехилл сделали это с гораздо более трезвой, литературной, повествовательно-критической точки зрения. Итак, мы видим, как все это сочетается. Мы видим закономерности в действиях Луки.

Однако закономерности не означают, что это неисторично. Историки считали, что эти закономерности созданы Провидением, и поэтому они выделяли вещи, которые казались им параллелями. Это есть у Дионисия Галикарнасского, который взывает к Провидению.

Это есть у Иосифа Флавия. Это есть у римского историка Аппиана. Это не редкость.

Они считали, что эти закономерности создало Провидение, и поэтому можно сказать: ну, они были в глазах смотрящего, но в любом случае в этих случаях они не изобретали деталей. Параллельные жизни. Плутарх говорит нам, что он искал существующие параллели.

Поэтому не все параллельно, но он искал существующие параллели, когда писал свои параллельные жизни. При этом он не стирал различий. В биографии можно было иметь элемент похвалы и порицания, но, по мнению Полибия, его нужно было распределять по справедливым заслугам.

То есть нельзя было просто выдумывать истории. Для того, чтобы воздать должное и порицание, вам приходилось использовать истории, которые на самом деле существовали. Это отличается, скажем, от похоронной речи, когда вы просто говорите о человеке приятные слова.

Некоторые историки, хотя Полибий злобно критиковал это, некоторые историки были сенсационными, и примеры сенсационности, которые приводит Полибий, были тем местом, где историки действительно играли на пафосе. У вас даже

Антацидус играет на пафосе. Но он говорит о том, когда город завоеван, а людей выводят в рабство.

Он говорит: ну, этот историк плохой историк, потому что он описывает всех женщин, которые причитают, плачут и так далее. Ну, я предполагаю, что, когда их выводили в качестве рабов, они, вероятно, причитали, плакали и так далее. Что Полибию не нравится, так это заикливаться на этом.

Не все историки с ним согласились. У Люка есть некоторый пафос, но его не так много. На самом деле у него может быть меньше, чем у Тацита.

И пафос, который у него есть, не похож на выдумывание событий. Это похоже на то, как люди плачут, когда Пол уходит, и это показывает, как сильно они любят Пола. Элитные историки подробно рассказали об этих сценах.

Как мы уже упоминали, этого нет в Деяниях Луки. Иосиф Флавий так и делает. Подобные вещи считались необходимыми для того, чтобы книга продавалась среди людей, которые могли позволить себе ее купить.

Но на более популярном уровне их интересовали не все эти элитные риторические приемы, а хорошее рассказывание историй. И опять же, вы можете сделать это, не изобретая ничего. Были ли у историков древние предубеждения? Ну, из того, что мы уже сказали, вы знаете, что они это сделали.

У древних историков действительно были предубеждения, или то, что ученые называют тенденциями. У них были определенные тенденции и определенные перспективы. Не обязательно, если мы используем термин «предвзятость» в таком смысле, не обязательно негативный, но у них были определенные перспективы.

У современных историков то же самое. Постмодернисты любят это подчеркивать. Все пишут с точки зрения, которая, по мнению непостмодернистов, не оправдывает искажения вещей.

Но в любом случае я не буду вдаваться во все эти дебаты. Но вы можете противопоставить биографии Линкольна или Черчилля. Некоторые более позитивны; некоторые более негативны.

Также может быть явный фокус. Вы можете писать об истории церкви. Это не значит, что вы все выдумываете.

Это означает, что ваше внимание сосредоточено на истории церкви. Хотя западные историки склонны сосредотачиваться на истории западной церкви, а в

последнее время ученые отмечают: ну, собственно, а как насчет истории церкви в Восточной Африке? А как насчет истории церкви в Азии и некоторых других местах? На самом деле сейчас эти вещи выходят на первый план. Итак, существовала определенная точка зрения, с которой люди писали, определенные интересы, которые диктовали то, что они в первую очередь освещали.

Но история церкви, политическая история, женская история, поэтому ваши интересы также будут определять ваше внимание, но это не значит, что это не история. Но в древности это было более явно. Иногда они приводили явные повествования в сторону.

Ну, этот человек сделал это, потому что он придурок. Иногда у вас были бы, ну, часто у вас были бы очень явные националистические предубеждения. Многие люди пишут очень проримские настроения, и это может быть одной из причин, по которой эти истории сохранились.

Плутарх очень не любил Геродота. У него был целый очерк о злобе Геродота. Что он имел против Геродота? Геродот сказал что-то негативное о Беотии, откуда был родом Плутарх.

Знаешь, ты не связываешься с моим городом. Я напишу о тебе что-нибудь плохое, если ты напишешь что-нибудь плохое о моем городе. Итак, Плутарх выступил против Геродота и назвал его злонамеренным.

У людей были различные националистические предубеждения, хотя иногда некоторые из них писали настолько объективно, что сегодня историки спорят, на чьей стороне они были на самом деле. Моральные уроки. Ответственные историки считали, что нельзя просто выложить историю на всеобщее обозрение и позволить людям делать с ней все, что они хотят.

Вы дали им какое-то направление. Они знали, что люди будут использовать в своих выступлениях эти исторические примеры. Они будут использовать их в политических аргументах и так далее.

Итак, вопрос заключался в том, что если люди собираются их использовать, мы хотим убедиться, что они используют их правильно. Очень часто в начале своей работы они говорили: «Я пишу это для того, чтобы привести моральные примеры, чтобы вы могли искать хорошие и плохие примеры из прошлого, когда мы пытаемся убедить людей в настоящем». Они не всегда говорили вам, какие примеры хорошие, а какие плохие, потому что иногда в культуре это воспринималось как нечто само собой разумеющееся.

Но это есть и в Евангелиях, в Книге Деяний. У вас есть определенная мораль, передаваемая поведением людей. У вас есть определенные группы, которые ориентированы на позитив или негатив.

Выбор фактов для определенной цели — это не то же самое, что фабрикация фактов. Просто так пишется история, и уж точно так писалась древняя историография. Появились и богословские перспективы.

Историки искали божественную руку в истории. Как мы уже упоминали, они искали закономерности в истории и, следовательно, параллели. И это касается не только греческих историков.

Я имею в виду, вы посмотрите на 1 Царств, главу 1, и увидите сравнение между Анной и Илием. В следующей главе вы проводите сравнение между Самуилом и сыном Илиа, Офни и Финеасом. У вас есть сравнения между Саулом и Давидом.

Это было характерно для многих способов написания историографии и было формализовано в греческой риторике. Божественное провидение. Дионисий Галикарнасский и Иосиф Флавий искали это в истории.

Они упомянули, что это было сделано провидением. Еврейские писатели, когда они обновляли библейскую историю, например, в «Книге Юбилеев», уделяли особое богословское внимание, хотя «Юбилеи» достаточно близки к информации, которую мы имеем в книге Бытия, дополняя ее некоторыми последующими еврейскими традициями. Даже Иосиф Флавий использует те же истории, хотя вы можете видеть его уклон.

Иногда его цель состоит в том, чтобы сделать его приемлемым для эллинистической аудитории, используя правильные методы биографического повествования. Ну а как насчет точности в древней историографии? Это немного менялось в зависимости от историка. Тацит, Фукидид или Полибий были более точными, чем Геродот, географ Страбон или Плутарх.

Иосиф Флавий ненадежен в оценках численности населения и расстояний, но, опять же, он, вероятно, не считал людей, и мы не ожидаем, что он измерял расстояния от одного места к другому. На самом деле он их не измерял. Но для более мелких вещей, которые он мог измерить, таких как колонны, памятники, архитектура гавани Кесарии Приморской, он часто был весьма точен в этих измерениях.

Ему можно было доверять по большинству архитектурных данных и, насколько мы можем судить, по большинству событий. Иногда он что-то забывал. Куда был сослан Ирод Антипа? Его сослали в Галлию, но не в Иосиф, а в другое место.

Ну, по крайней мере, мы знаем, что его изгнали. Но Иосиф Флавий не самый осторожный из древних историков, но иногда его сведения настолько точны, что археологи поражаются. Историки имели широкую свободу действий в деталях.

Им нужно было правильно изложить основную часть истории, если их источники были точными. Они использовали критерий соответствия исторической обстановке. Они отдавали предпочтение писателям, более близким по времени к событиям, особенно очевидцам.

Их целью была объективность, и они могли быть очень критичны в том, как они обращались со своими данными, так что в какой-то момент, я думаю, возможно, именно Фукидид критиковал истории о великой Ахейской империи, истории, которые есть у Гомера, потому что, если возвращаешься в Микены, там одни руины, и не похоже, что это было очень большое место. Что ж, раскопки показали, что оно было больше, чем он думал, но он был критическим историком. Он пытался взглянуть на доступные ему данные, и сегодня нам доступно больше данных, и на самом деле мы не говорим, что «Илиада» или «Одиссея» являются историческими, но некоторые из вещей, которые они предполагали, действительно имеют место. Вернемся к некоторой информации, большей, чем, возможно, даже думал Фукидид.

Объективность была целью, и иногда она достигалась до такой степени, что ученые спорили, в какую сторону склонялся, например, Саллюстий в своих исторических монографиях. Хронология не всегда была доступна. У вас есть хронология, использованная у Полибия, Фукидида и Тацита, потому что им доступны военные источники.

У них есть анналы, которые были написаны потому, что они пишут именно об этом. У вас нет этого с устными источниками. Люди не всегда смогут сказать вам, что это произошло в этот день, а это произошло в этот день, и у вас даже не всегда могут быть события в точной последовательности, и этого не ожидалось.

Конечно, в биографии этого не ожидалось. В историографии нужно было максимально приблизиться к этому, но даже там иногда приходилось идти на компромиссы, потому что географически следишь за чем-то из года в год, даже если здесь происходят какие-то другие события до этих более поздних событий на этом месте, или вы перейдете сюда, потому что это произошло в том же году, а затем вернетесь географически? И у разных историков были разные методы для этого, и некоторые из них критиковали некоторые методы других. Использование источников.

Редко у историков были всеведущие рассказчики. Обычно они ссылались на разные источники. Иногда у вас было семь с одной стороны и четыре с другой, и

историк говорил: «Семь сказали это», но большинство историков говорят так, и они цитируют четырех, давая вам знать, что их было больше семи. но они только что дали вам имена некоторых из них.

Исключения. Они не всегда цитировали разные источники, но цитировали их особенно там, где они не соглашались. Итак, когда вы говорите о недавних источниках, они с меньшей вероятностью называли свои источники, потому что между ними не было таких больших разногласий.

Что касается Арриана, Арриан пишет очень уважаемую биографию Александра Великого, но Арриан пишет в конце первого, начале второго века, а Александр Великий умер в 323 году до нашей эры, жил с 356 по 323 год до нашей эры. Итак, прошли столетия. , но в данном случае у Арриана много произведений, которые сегодня для нас утеряны. У него было несколько ранних работ об Александре Великом, и он мог использовать их, и ученые действительно уважают это, потому что у него были ранние источники, с которыми можно было работать. Но иногда эти источники противоречили друг другу, и ему приходилось говорить: ну, вот разные точки зрения.

Обычно, если вы пишете в первом или втором поколении, у свидетелей не так много противоречий. У вас может быть немного. Но как обстоят дела с Люком? Что ж, Лука тщательно относился к своим источникам, которые были ему доступны в Евангелиях.

Откуда нам знать? Просто сравните Луку и Марка хотя бы в одном. Мои наблюдения, полученные при работе с древней историей, заключаются в том, что древние историки, охватывающие один и тот же период, пересказывали одни и те же события. Они часто заполняли подробные сцены, где у них не было доступа к информации, особенно там, где есть частные сцены и ни один из людей не выжил.

Они все умерли от этого. Иосиф Флавий иногда так делает. Даже Тацит иногда делает это.

Но суть должна была быть правильной. Но они доработали сцены для хорошего повествования. Итак, у нас есть несколько опасностей в том, как люди подходят к древней историографии.

Можно предположить, что древняя историография — это то же самое, что и современная историография. Итак, вы судите по современным правилам. Вы судите о древней историографии по жанру, которого технически еще не существовало, а именно по современной историографии.

Итак, есть ультраконсерваторы и некоторые скептики, которые жалуются, ну, вы знаете, по нашим очень строгим стандартам мы собираемся отказаться от всякой надежности. Но древние историки обычно ценили точность по существу и событиям, а не обязательно во всех конкретных деталях, таких как разговоры о том, что у вас есть именно та формулировка, или что-то в этом роде. Другая опасность заключается в предположении, что древняя историография не имела ничего общего с исторической информацией.

Я имею в виду, что современная историография действительно развилась из древней историографии. Многие из правил, которыми мы пользуемся сегодня, были составлены Полибием, который написал их до того, как был написан Новый Завет. Итак, предположим, что мы пытаемся отделить древнюю историографию от исторической информации и сказать: ну, это практически то же самое, что роман, то есть выплеснуть ребенка вместе с водой.

В древности исторические романы представляли собой совершенно отдельные жанры. Лукиан указывал, что хорошие биографы избегают лести. Фальсифицирует события, а данные придумывают только плохие историки.

Плиний Младший, оба они пишут во втором веке, хотя Плиний пишет раньше, во втором веке. Плиний Младший говорит, что особенностью истории является ее стремление к точным фактам. Кроме того, Плиний сказал, что основной целью истории является истина и точность, а не риторическая демонстрация.

Иногда люди говорят: ну, конечно, историки сказали бы вам, что они хотели писать точно, но нет, это была всего лишь условность. Они на самом деле не это имели в виду. Плиний не историк.

Плиний — оратор и государственный деятель, но он признает, что история должна быть точной. И вы можете использовать риторику, если в основе лежат факты. Он написал своим друзьям Тациту и Светонию, историкам.

Светоний был скорее биографом. Но он пишет Тациту и говорит: теперь я знаю, что ты сейчас пишешь историю Римской империи, и я хочу убедиться, что ты не упускаешь из виду это очень важное обвинение, это очень важное дело, которое я вел . . . Мы не знаем, слушал ли его Тацит или нет, потому что эта конкретная часть Тацита отсутствует, но едва ли стоило пересказывать ее по тем меркам, которыми обычно пользовался Тацит.

Однако Плиний говорит: теперь я знаю, что можно включать только точную истину, но это и есть точная истина. Он также дал отчет от своего отца, извините, не отца, своего дяди Плиния Старшего, погибшего при извержении Везувия. Он писал естественную историю.

Итак, его очень интересовало большое количество энциклопедической информации о природе и так далее. И пока все остальные бежали из Помпеи, он захотел пойти узнать побольше о том, что там происходит, и на этом ему пришел конец. Но были некоторые выжившие, которые смогли рассказать о том, что произошло, и Плиний Младший с радостью предоставил эту информацию Тациту.

Но это правдивая информация, и они сказали: знаете, это должна быть правдивая информация. Аристотель, писавший, был наставником Александра Македонского, задолго до этого учеником Платона. Аристотель, разница между поэзией и историей не в их форме, ибо историю можно было написать в стихах, и это было доказано позднее, а в их содержании.

История должна иметь дело с тем, что произошло, а не только с тем, что может произойти. Итак, был сделан сильный акцент на том, что история должна иметь дело с реальными событиями. И люди, которые сегодня смешивают романы и историографию, берут в основном какие-то исторические романы или какие-то очень плохо написанные истории, но их, опять же, было очень незначительное количество.

У вас все еще есть мейнстрим обоих жанров, которые очень разделены. Критическая историография, вопреки современному этноцентрическому уклону. Древние действительно практиковали критическую историографию.

Я сказал, что большая часть современной практики исходит от Полибия, поскольку он критиковал Тимея, вероятно, просто потому, что Тимей был соперником и он хотел, чтобы сохранилась его собственная история, а не история Тимея, и он преуспел в этом, хотя и не очень вежливо. Историки часто подвергали сомнению свои источники. Они будут изучать предубеждения писателей.

Они проверяли согласованность с географией, руинами, внутреннюю согласованность и так далее. Источниками, которые они предпочитали, были более ранние источники, наиболее близкие к событиям, особенно очевидцы. Они предпочитали тех, кто наименее склонен к предвзятости.

Они сравнили несколько источников. Другими словами, древние историки действительно заботились о том, чтобы факты были ясными. Даже Иосиф Флавий.

Иосиф Флавий переписывает библейские повествования. Иногда, как я уже говорил, он создает новые речи для этих повествований. Он уточняет риторически.

Он опускает золотого тельца. Знаете, то есть некоторые извинения за золотого тельца можно понять, но нет, он просто даже говорить об этом не хочет. Но он сохраняет основную суть библейских историй.

И снова, в его собственный период, археология подтверждает его очень подробно. Итак, Иосиф Флавий был не самым точным историком. Он был одним из самых неосторожных из них.

И тем не менее, мы получаем так много информации от Иосифа Флавия, и если вам придется поверить ему на слово или предположить, что он неправ, я, например, был бы более склонен поверить ему на слово, если у меня нет веских причин не делать этого. Самое главное, историки древних событий признали, что большая часть древнего прошлого была окутана вымыслом. Но когда историки писали о недавних событиях, они ценили показания очевидцев.

Они собирали устные сообщения, подобно тому, как Лука говорит об очевидцах в Луки 1.2. Мы знаем Светония и других, они консультировались со свидетелями. Иногда они упоминают их, свидетелей, у которых они консультировались. Иногда упоминают произведения, написанные практически сразу после событий, от которых они зависят.

Они осознали, что должны быть надежными в отношении событий. Развлекательны ли выступления? Да. Но историки стремились писать развлекательно.

Разница, опять же, между романами и историями заключалась не в том, что один стремился развлечь, а в том, что только один стремился также и информировать. Древние верили, что истину можно использовать для преподавания моральных уроков и развлечения. Вы проверяете дело Люка.

В чем заключался метод Луки? Что ж, Люк фактически сделал это доступным нам в предисловии к своему первому тому. И мы также можем проверить Луку, сравнив то, что он делает с Марком. Итак, метод Луки в его предисловии.

Предисловие должно было сообщать о том, что будет дальше. Обещанное содержание Луки, Луки 1:1-3, говорит об упорядоченном повествовании о том, что произошло среди нас. И пишет он по стиху 4, чтобы подтвердить то, что Феофил узнал о таких событиях.

Итак, Лука говорит нам, что он будет писать об исторической информации, и он будет писать об этом, чтобы подтвердить то, о чем уже знал Теофил. То, что я собираюсь рассказать в ближайшее время, мы рассмотрим это предисловие несколько более подробно, Луки 1:1-4. Это многое говорит нам об источниках,

доступных Луке. Письменные источники, устные источники, восходящие к очевидцам.

Лука обладает глубокими знаниями или подтверждает это своими исследованиями, стих 3. А также Лука не мог фальсифицировать. Лука не мог просто выдумывать, особенно на очень широком уровне, поскольку материал уже был известен в ранней церкви, и он просто подтверждал то, что уже знали члены его аудитории. На следующем занятии мы рассмотрим каждый из этих пунктов подробно.

Это доктор Крейг Кинер в своем учении по книге Деяний. Это занятие 2 «Жанр и историография».